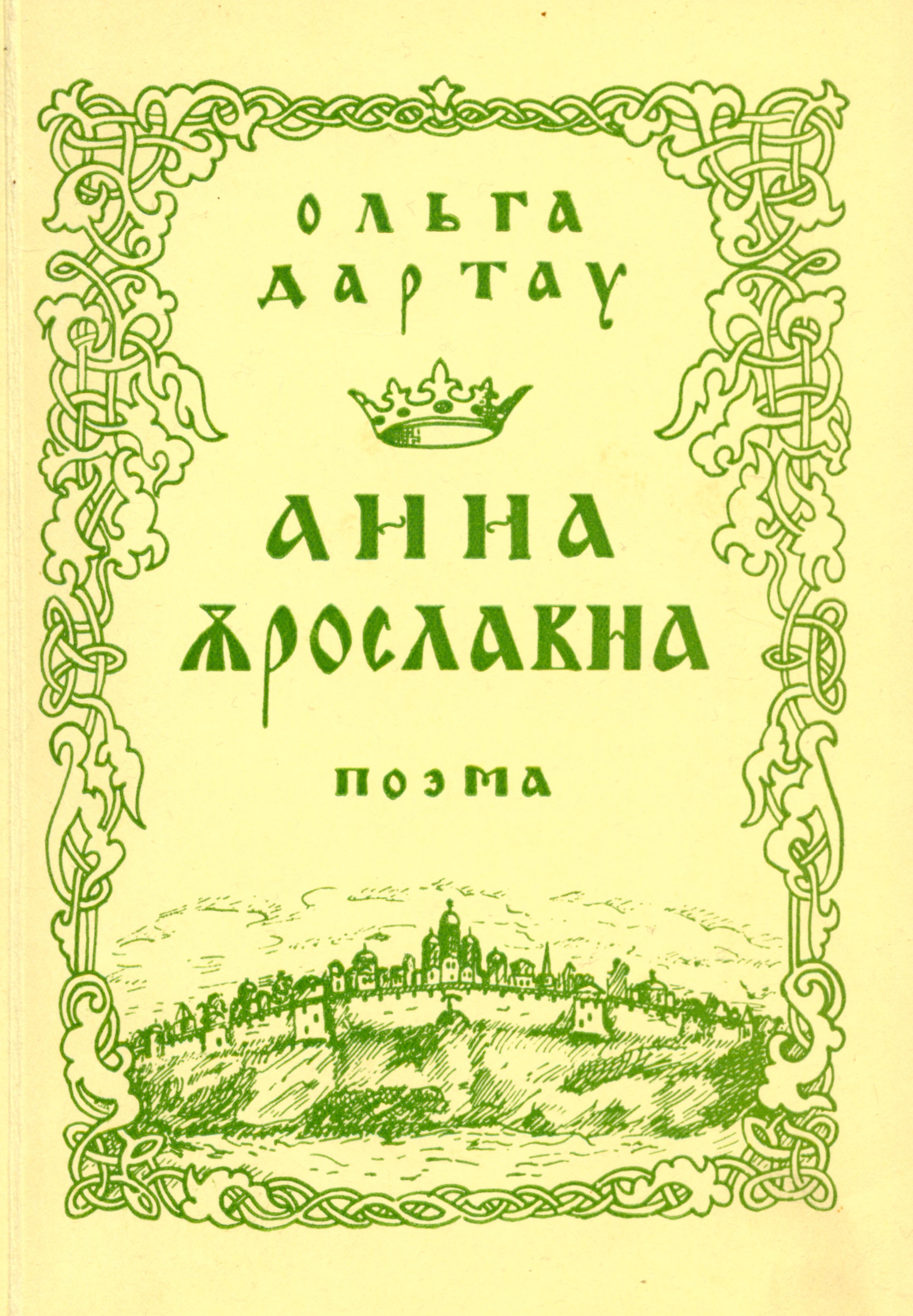

Ольга
Дартау
Анна
Ярославна
Поэма

ОЛЬГА ДАРТАУ

* *

АННА ЯРОСЛАВНА

Поэма

Колумбус
Охайо
1959

Published by O. Dartau, 1587 North 4 St., Columbus I. Ohio.
Druck: Buchdruckerei Einheit, Inh. I. Baschkirzew, München 8, Hofangerstr. 73.

Printed in Germany

МОЕМУ СЫНУ

ОТ АВТОРА

Автор не претендует на подлинность исторических событій, так как о судьбѣ АННЫ ЯРОСЛАВНЫ сохранилось слишком мало указаній и документов. Мір в котором жила Анна, с его звѣриными ловами, бревенчатыми городами, купцами, иностранными мастерами и замками, королями и монастырями — вполнѣ реален.

В Кіевском храмѣ сохранился портрет Ингигерды с ея тремя дочерями — АННОЙ, ЕЛИЗАВЕТОЙ и АНАСТАСІЕЙ. Из них, по сохранившимся свѣдѣніям, Анна отличалась рѣдкой красотой.

Имя Филипп часто встрѣчается среди княжеских отроков и гостей. И также упоминаніе имени Баяна, как рѣдкого «пѣснотворца» того времени. Не в честь-ли одного из них был назван первенец у Анны? (Хотя и существует предположеніе, что с этим именем связано имя Филиппа Македонскаго).

Анна, как горлинка, тосковала и оплакивала любимаго человѣка, встрѣченнаго ею на жизненном пути, но, в силу сложившихся событій, разлученнаго с нею. (Не он-ли будучи в монастырѣ в 1097 г., написал — «ДІОПТРА» или «Плачеве и рыданіе инока многрѣшна и странна»?).

Эпоха Ярослава Мудраго — эпоха расцвѣта Кіевской Руси под вліяніем византійской культуры. Ярослав Мудрый, большой книголюб, породнившійся со многими иностранными и королевскими домами, был извѣстен тѣм, что украшал Кіев прекрасными храмами, школами и монастырями. Ярослав Мудрый был окружен такими людьми, как Иларіон, выдающійся архіепископ того време-

ни или Лука Жидята (Жирята — первый архіепископ из русских) в Новгородѣ, извѣстный своими книжными трудами и интересный собесѣдник. Купцы, мастера, художники иностранные, были призваны для украшенія Кіева. Сын его Всеволод, владѣвшій нѣсколькими языками, был большим книголюбом. Все это окруженіе не могло не отразиться на развитіи Анны. Несомнѣнно отец влил христіанскій дух в ея смѣлую, гордую душу, унаслѣдованную от матери сѣверянки, но смягченную славянской нѣжностью и мечтательностью.

Сохранились свѣдения об ея обрученіи с Генрихом 1-ым королем Франціи, в Реймском соборѣ (Евангеліе, привезенное ею) и нѣкоторыя хартіи, подписанныя ея именем русскими буквами.

И нашумѣвшій брак Рауля, графа Крепи, с нею, отлученіе его от церкви Папой за самовольное расторженіе его брака с графиней Крэпи. Любовь Анны к монастырям, добрыя дѣла, помощь обездоленным, тоска по любимому человѣку, по родинѣ . . . Ея жизнь в Санлисѣ, так напоминавшем родные края, любовь к тиши и уединенію монастыря. Статуя Анны при входѣ в монастырь и свѣт свѣчи неугасимой, зажженной в 1066 г. . .

Всѣ эти отдѣльные штрихи навѣяли на автора тот образ Анны, с которым и познакомится читатель.

Автор

Сердечная благодарность автора Сергѣю Константиновичу и Евгеніи Александровнѣ Паркер за их цѣнные совѣты.

О. Дартау

Обложка — С. К. Паркер.

Анна Ярославна

Современным языком
О судьбѣ скажу ушедшей,
Было-ль то красивым сном
Иль любви сіяньем вѣчным.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Мороз... Весь двор в сугробах снѣга,
Пребольно щиплет нос, лицо...
В руках с куском ржаного хлѣба
Вскочила Анна на крыльцо.
Глядит из под руки на солнце,
Прищурив лѣвый карій глаз...
Сестренка Лиза из оконца
Кричит: «домой бѣги сейчас!»
Но Анна и не слышит крика,
Глядит на темный бор вдали.
Он полон шума, лая, гика;
В нем цѣпью движутся псари.
Звѣриный лов князь страстно любит.
С ним сын подросток на конѣ.
Сбор в мѣдный рог охотник трубит,
И всѣ съѣзжаются к соснѣ...
Вот словно замерли, застыли;
Вмиг кони дрогнули, взвились,
Снѣг бѣлым облаком взвихрили,
К жилью галопом понеслись...
Стрѣлой летит к сестренкам Анна,
В свѣтелку с криком ворвалась,
« — Тебѣ не стыдно, Ярославна?
(Бранить шалунью принялась

Их нянюшка, прервав бесѣду
И встав с узорчатой скамьи)
«С утра не сыщешь, ни к обѣду
Тебя одну из всей семьи! . .»
Но Анна нянюшку цѣлует,
Сулит аз-буки почитать,
Как горлинка с сестрой воркует,
Ну, гдѣ-ж такую наказать!

А на дворѣ шум, топот, крики,
Горят, трещат кругом костры,
Гремят мечи, сверкают пики,
Озарены огнем кусты . . .
Свѣжуют дичь, кричат, бранятся,
Медвѣдь убитый на снѣгу . . .
Пьют крѣпкій мед и веселятся,
Коней лаская на ходу . . .
И кони ржут, копытом роют,
Скосив на бок кровавый глаз,
В лѣсу далеком волки воют,
Ища добычи в поздній час . . .
Но вот один охотник звонко
Запѣл охотничій припѣв.
Хор подхватил его, и громко
Прорѣзал ночь лихой напѣв.

Пѣсня охотников

«То не тучи налетѣли,
Затемнили частый лѣс,
Быстры стрѣлы полетѣли,
Словно молоньи с небес.
Князь охотник со дружиной,
Словно кречеты взвились.
За медвѣдицей лавиной
В чащу бора понеслись.

Сѣрым волком обернулись,
Взвились сокола быстрѣй
И с добычею вернулись
Пировать во тьмѣ ночей . . .
Мы бойцы всѣ удалые,
С конца копій вскормлены,
Знаем мы пути степные,
Вражьей кровью вспоены . . .

Князю со княгиней слава!
Жить им сотни долгих лѣт!
Храброй их дружинѣ слава!
Смѣлым, сильным наш привѣт!»

Смѣняют пѣсню шум и крики.
Уставших ратников манит
К теплу костер, гдѣ пламя, блики,
Гдѣ мокрый сук треща дымит . . .
Так ночь проходит незамѣтно,
Вокруг луны морозный круг . . .
Уходит время чуть примѣтно
И тает, как затихшій звук,

Прошла зима, ушли морозы,
Сверкает, грѣет солнца луч . . .
В лѣсу рѣзвятся зайцы, козы,
Раздастся гром порой средь туч . . .
Поля одѣлися цвѣтами,
Кругом звенят, шумят ручьи,
Фіалки прячутся за пнями,
Свистят по рощам соловьи . . .
Раздолье дѣтям в полѣ чистом,
Веселье в рощѣ за горой;
Пред домом в садикѣ тѣнистом
Шалят, смѣются день-деньской.
Вот Анна с сестрами у рѣчки
Ломают у каштанов свѣчки;

Как воск бѣлы, нѣжны цвѣты.
В них дремлют вешнія мечты.
Сбирают ландыши в лѣсу,
Слѣдов оставив полосу
В травѣ среди цвѣтов душистых . . .
Глядят на небо меж вѣтвей,
Вспугнув невольно глухарей
С высоких сосен золотистых.
В лѣсу медвяно и тепло,
В лазури солнце высоко.
Поет над головой пичужка,
Стрѣлою заяц пролетѣл,
Кукует звонкая кукушка.
А это кто там зашумѣл?
Быть может, лѣшій тихо бродит,
Иль у ручья русалка ходит?
— Нѣт, это отрок молодой
Подходит с птичкою живой.
Из гнѣздышка упала, вѣрно,
Бѣдняжкѣ надобно помочь,
А то съѣдят ее навѣрно
Лисицы, лишь настанет ночь . . .
На дуб высокій отрок влѣз
И с птичкой средь листвы исчез . . .
Когда к ним отрок снова спрыгнул,
Он долго с Анной говорил,
Из ивы лук прекрасный выгнул
С улыбкой Аннѣ подарил.
Все лѣто дѣти веселились
С веселым отроком в лѣсах;
Но вот и листья закружились,
Цвѣты поблекли на кустах . . .
По теремам зажглись огни,
Короче, тише стали дни . . .

Дождями осень отшумѣла,
Завял, поблек полей наряд.
Зима метелями запѣла,
В лѣсу деревья тихо спят...
В трубѣ за печкой вѣтер воет,
Даль снѣг ковром пушистым кроет;
Ребята на печи сидят,
Друг другу сказки говорят.
Разсказывал им сказок много
Тот отрок в тишинѣ лѣсов.
Его глаза смотрѣли строго,
Он словно видѣл глубь вѣков...
Им этих сказок не забыть.
Без них так скучно, пусто жить.
Вот видят в сумракѣ вечернем
Огни далекие костров;
В туманѣ скрытая осеннем
Дружина спит в тѣни шатров.
Вокруг по лѣсу лѣшій бродит,
И мутный взор его обводит
Далекій сѣрый небосклон,
И спящим снится страшный сон...
И дѣтям тоже за печуркой
Так страшно с кошкою их Муркой.

Там чертик с лошадиной гривой,
Коза с куриной головой,
Визжат, свистят в саду над ивой,
За печкой дышит домовой.
Вот дѣд болотник в перевалку
Через болото к ним спѣшит,
Вспугнул вздремнувшую русалку,
Гусиной лапкою грозит...
Боятся дѣти взгляда Вія,
Чтоб вѣк тяжелых не поднял

И взглядом, словно жалом змія,
Их юной жизни бы не взял.
Кикимор, карликов страшатся,
Кащея с Бабою Ягой,
Полудниц, что в лѣсу таятся,
Чаровниц с золотой косой . . .
«Чур-чур», тихонько повторяют
Ребята, прячась за трубой,
Согрѣвшись мирно засыпают
Под вьюги шум и вѣтра вой . . .
И дни идут, плывут за днями,
Года уходят чередой . . .
Гордиться могут дочерями
Князь Ярослав с его женой . . .
Одна другой пригожей сестры,
Но Анна расцвѣла пышнѣй,
Плѣнял ея взгляд сильный, острый,
Под сѣнью бархатных бровей.

Со всяким говорить умѣла —
Заморскій гость или простой,
Под звуки лютни часто пѣла,
Склонив стан гибкій, молодой.
Книг много разных прочитала.
Их Всеволод ей приносил,
О них по вечерам бывало
Брат с ней бесѣдовать любил.
(Он был любимцем Ярослава
Знал много разных языков,
И для него почти забава
Встрѣчать из разных стран послов).
Одно «Девгенево дѣянье»
Так много раз княжна прочла
И похищенья описанье
Забыть, казалось, не могла.

А в «Златоструѣ» указанье
Грѣха людского, лжи и зла,
И строгое им порицанье
Она душой восприняла . . .
    Однажды позднею субботой
Во двор пріѣхал к ним еврей,
Он полон был одной заботой, —
В Париж пробраться поскорѣй . . .
Он ми́ткаль вез из Византіи,
Втиранья, перец, серебро,
Из-за бушующей стихіи
Сломалось колесо одно . . .
    Весь двор собрался, князь сам вышел,
    Велѣл огонь разжечь скорѣй,
    Пил мед хмѣльной, еврея слушал,
    И стал задумчив взгляд очей.
    Накинув синій плащ на плечи,
    Пришел усатый Святослав,
За полночь затянулись рѣчи;
Сказал привстав так Ярослав:
    — «Купцам в дорогѣ труд и горе,
    Торговлю-ж надо укрѣпить,
Как с Византіей так на морѣ,
    И путь во Францію открыть .
Об этом будет дума наша,
Чтоб процвѣла торговля ваша».
Сказал, очами всѣх обвел
И в терем почивать ушел . . .

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В хоромах князя Ярослава
Послов встрѣчает Святослав;
Его любимая забава
Послушать лютню, струны арф . . .

Сверкают кубки круговые,
Играет, пѣнится вино,
Повсюду смѣх, слова хмѣльные,
Не обнажают кубки дно...
Вот Всеволод с его женою
С послом царьградским говорят.
За чарой полной, круговою
Брат Изяслав с женой сидят.
Князь Ярослав, блестя очами,
Пьет крѣпкій мед в кругу друзей.
А Ингигерда с дочерями
Смѣются шуткам их гостей.
Занятнѣй всѣх Лука Жирята
Про фараона разсказал,
Черны лицом, как чертенята,
Его всѣ дщери... (он то знал!).
Он близким к Ярославу был,
Трудами книжными прославлен,
А в Новгородѣ, гдѣ он жил,
Архіепископом поставлен.

А Святослав послу хвалился
Прекрасной утварью своей,
И нѣмец искренне дивился
Красѣ сосудов и ковшей.

И вот нежданно появился
Почетный гость Иларіон,
Он в Цареградѣ жил, учился,
На днях домой вернулся он.
С ним юный друг его прекрасный,
Как гость, на пир сюда пришел,
И взгляд его орлиный, ясный
Вмиг Анну средь гостей нашел.
— «Ужель она? подруга дѣтства,
С которой бѣгал он в лѣсу?

В ней нет жеманства и кокетства,
Затмила всѣх дѣвиц красу.
Прекрасны очи, шея, руки,
Вся, как лебедушка, бѣла,
Ея рѣчей напѣвны звуки,
Нѣжна, прекрасна и горда.
Глубокій взор горит, сверкает,
Под сѣнью бархатных рѣсниц,
Зовет, чарует, покоряет,
Как трепет огненных зарниц.
На ней наряд из Византіи,
Запястья, кольца, жемчуга,
Во власти страсти, как стихіи,
Гость понял: — он ея слуга.

В то время с Анною бесѣду
Ведет старик Иларіон,
Науки славит он побѣду,
Изящной рѣчью блещет он.
Вот Аннѣ слова два сказал:
Она кивнула головою.
Рукою гостя подозвал,
И тот склонился пред княжною.
— «Перед тобой Баян — мой друг.
Он пѣсни вѣщія слагает,
Он гуслями — Велесов внук,
Как дѣд его, наш слух ласкает».
Так говорил Иларіон,
Перед княжной склонившись низко.
Был сѣдиной он убѣлен,
За выслуги был к князю близко.
Когда Баян свой взор поднял,
Княжна лучами глаз сверкнула,
И он покой свой потерял.
Она же тихо попрекнула:

— «Зачѣм же отроком смиренным
Стоял вдали смущенный гость?
Пойми, пѣвец мой вдохновенный,
Отнынѣ ты — желанный гость».
Тут подошел к ним Ярослав,
Спросил, как нравилось ученье,
Баяна взглядом обласкав.
Сказал, что не забыл мученья
И той тоски, что он в очах
Прочел в ту ночь пред смертью дѣда;
Что в полных скорбію рѣчах
Дал слово он и мать Рогнѣда
Баяна внука оградить
От всяких бѣд, от зла и горя.
Послал в Царьград письму учить
И жизнь познать в странѣ у моря.
Теперь, Велесов внук, Баян
Его красою поражает:
Он статен, свѣж, лицом румян,
Всех пѣсней вѣщей умиляет.
Им спѣть про храбрые полки
Просить Баяна стали гости,
О том, как билися стрѣлки
И гдѣ истлѣли павших кости . . .
Баяну гусли поднесли,
Он в бѣлыя их принял руки;
И с пѣсней вѣщей потекли,
Смѣшались гуслей стон и звуки . . .

Пѣсня Баяна

«Княже! . . Люди твои православные!
Про полки вам пою наши славные,
Как дружинники смѣлые, ратные,
Да скрестили мечи их булатные

С вражьей силою, злым кочевником,
Да с поганым безбожным наѣздником.
Сѣрым волком они с пастью жадною
В степь ворвались ордой кровожадною.
С двух сторон подожгли! . . В дымной темени
Застонала вся степь в огнѣ-пламени! . .
Тучей черною пыль заклубилася,
Рѣкой алою кровь заструилася,
Звон и крики вокруг, да проклятія,
Да предсмертные стоны, заклятія! . .
Словно мо́лоньи стрѣлы посыпались,
Среди звона мечей вопли слышались,
Всю то ночку рубились и дралися,
К павшим вороны тучей слеталися . . .
Зори алыя шли, разгоралися
Мы кочевникам все не сдавалися! . .
Ночь смѣнила их, — ночка ненастная,
Ночь перунова грозная, страшная!
Пировал наш Перун! . . Извивалися
Змѣем мо́лоньи, с треском ломалися! . .
Синим полымем в тучах скрывалися;
Гром и вихри в ту ночь побраталися! . .
А Стрибог наш лихой пыль взвихрил, закрутил,
Очи нам и врагам засыпал и слѣпил! . .

Горе горькое! . . Горе лютое! . .
Не изжитое! . . Не забытое! . .

Видим, дрогнули наши ратники:
Не успѣли помочь княжьи латники . . .
О, Горе! . . Горе! . . сломлены полки.
Миг промедленія настал.
В смятеньи мечутся стрѣлки:
Отряд их вражескій смѣшал! . .
Трава поникла от печали,
Пригнуло вихрем до земли! . .

Дубы вершинами качали,
Гудѣли люди, как шмели.
Пока кочевников до Дону
Не оттѣснят дружины вновь —
Конца не будет плачу, стону,
Рѣкою литься будет кровь! . .».

Пѣвец умолк! . . . Звук оборвался,
Рука отброшена, дрожит . . .
Еще с прошедшим не разстался,
Орлиный взор огнем горит! . . .
Забыв о всем, в нѣмом молчаньи
Внимают гости . . . лишь дрожит
На стѣнах факелов мерцанье,
Да, догорѣв, камин дымит . . .
К Баяну Ярослав подходит,
— «Спасибо, друг мой! . . .», говорит.
Глазами вкруг себя обводит,
Баяну перстень свой дарит! . . .
Всю ночь Баяну Анна снится
То юной дѣвочкой с косой,
То должен с колдуном он биться,
Чтоб овладѣть своей княжной.
Проснется, сядет, смотрит вдаль,
А мысли о былом роятся;
На сердцѣ радость и печаль,
И вновь заснет. . . И снова снятся
То дѣд, то лѣс, то свой отъѣзд
Туманной осени зарею . . .
Ох, сколько лѣт родимых мѣст
Он не видал, горя тоскою . . .
Проститься с Анной не успѣл.
Покорный Ярослава волѣ,
С гнѣзда, как сокол, улетѣл.
И вот он вновь в родимом домѣ.

Узнала Анна, что Баян
Никто, как отрок тот рѣчистый,
И словно вырос ея стан,
В очах зажегся свѣт лучистый.
Бесѣды в сумерках осенних
О Византіи с ним вела,
И дождались поры весенней
И с ней любовь их разцвѣла...

Во дни Перунова цвѣтенья,
Судьбы рѣшенья люди ждут,
В часы ночного сновидѣнья
Цвѣток волшебный стерегут...
Толпой у берега собрались
С вѣнками пестрыми в руках,
Узнать судьбу свою старались,
Ища отвѣт в сѣдых волнах...
Князь первый бросил сильным взмахом
Вѣнок свой на хребет волны;
Всѣ с затаенным ждали страхом
Рѣшенья княжеской судьбы...
Вот он поплыл широко, вольно,
Вокруг спирали шли круги
Князь ус потер самодовольно,
— «То достиженья, то враги»,
Сказал женѣ. Сверкнув глазами,
Велѣл ей бросить свой вѣнок,
Вслѣд дочки гибкими руками
Бросали за вѣнком вѣнок...

Но Анна не могла рѣшиться
Вѣнок свой бросить в ширь рѣки...
— «Бросай! Чего, мой друг, страшиться?»
Шепнул Баян. И вмиг вѣнки
Из рук их чайками взлетѣли...
Двойным кольцом свились поплыв.

Им, чуть дыша, вослѣд глядѣли
Баян и Анна, страх забыв . . .
Волна вмиг сбоку накатилась
И вѣнчик Анны отдѣлясь
Поплыл один . . . И покатилась
С ея рѣсниц слеза искрясь . . .
Так к синю-морю плыл вѣночек,
В дали туманной пропадал,
Роняя за цвѣтком цвѣточек,
Он словно за собою звал . . .

Скорбь затаив, полна предчувствій,
Вернулась Анна в терем свой;
Не слыша нянюшек напутствій,
Склонилась к ложу головой.
А в тучах мóлоньи сверкали,
Перунов цвѣт расцвѣл в лѣсу;
Заклятый клад во тьме искали,
За самоцвѣт приняв росу . . .
Костры всю ночь жгли и плясали,
Дѣвиц звенѣли янтари.
Попарно чрез огонь скакали,
Мед крѣпкій пили до зари.

И ночь прошла . . . На утро снова
Баяна взор ее ласкал,
Под сѣнью княжеского крова
День счастья за другим бежал . . .
Все лѣто им смѣялись зори,
Для них в вѣтвях пѣл соловей,
А в голубом нѣмом просторѣ
Сіяли тысячи огней
Звѣзд золотых . . . Зарею алой
Любила Анна по лугам
Бродить походкою усталой,
Отдавшись радужным мечтам . . .

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Но рок судил совсѣм иное:
Рѣшил премудрый Ярослав
Дѣлó торговое, большое
Расширить так, что, дочь отдав
За короля страны великой,
(Гдѣ рыцарей завѣты чтут),
Весь Запад, словно павиликой,
Связать торговлей там и тут
С восточным рынком, с Цареградом,
Чтоб Путь-Великій был открыт,
Чтоб Кіев стал товаров складом
И чрез него шел торг и сбыт . . .

И вот однажды приказанье
Он Аннѣ строгое отдал,
Имѣл с послами совѣщанье
И путь в Париж ей указал.

Как гром средь сини безмятежной,
Сразила Анну эта вѣсть;
Чтоб ей супругою стать нѣжной
И с Генрихом на тронѣ сѣсть.
Оставить дом, поля родные,
Ручей, рябину, темный лѣс
И эти очи огневые!
Чѣм заслужила гнѣв небес?
А друг ее, Баян любимый,
Послушный князю, как отцу,
Ушел на юг с купцов дружиной,
Вернется только лишь к концу
Веселых праздников Каляды;
Она в тоскѣ их проведет . . .
Ей опостылѣли наряды,
Ночами горечь сердце жжет . . .

Молиться встанет пред иконой,
Но темный лик суров, молчит...
Не обольстить ее короной:
В душѣ любовь над всѣм царит...
Ей в жертву принести готова
Богатство, славу, гордость, честь,
Покинуть дом, отца родного,
Лишь с милым бремя жизни несть.
Он дорог стал ей взглядом властным,
Душою смѣлой и большой,
Он жаром взоров долгих, страстных
Нарушил дѣвичій покой...

Но дни идут, бѣгут за днями,
Вѣстей от милого все нѣт,
Тоскует долгими ночами;
Ей опостылѣл бѣлый свѣт...

Однажды Анна у рѣчушки
Забылась в горестных мечтах.
Вдруг тихій шопот, зов старушки
Ей ясно слышен стал в кустах.
Поспѣшной, легкою стопою
На помощь Анна поднялась,
Старушка, сдѣлав знак рукою,
Сама к ней подошла, смѣясь.
— «Стара совсѣм, княжна я стала,
Чуть вѣтер, — клонит, как траву.
Смотри, — гусей всѣх растеряла,
Хоть с сотню лѣт, как их пасу...
Что так печальны свѣтлы очи?
О чем змѣиная тоска?
Быть может, сокол ясный к ночи
Не прилетѣл издалека?

Послушай старое преданье,
Пойди к ручью ты в Свято-бор,

Взгляни на солнышка сіянье,
Какой откинется узор,
На листик клена, как он ляжет.
Увидишь круг — то счастью быть,
Широкій крест — о смерти скажет,
Зеленый цвѣт — весь вѣк тужить.

Идти пристало молчаливым,
Куда-б тропа ни привела...
Перун царит там и хвастливым
Путь заградит его стрѣла...
Там Лель поймет и снимет горе,
Иль чудный камень алатырь
С Буяна-острова на морѣ
Примчит под дождь и гром упырь...
Волхвы, кудесники, издавна
Любить добро и честь велят,
И коль не будешь своенравна,
Любовь твою, вѣрь, охранят!».

Ушла старушка... Солнце сѣло.
Ей Анна долго вслѣд глядит...
Рѣшила в лѣс с подружкой смѣло
Пойти, лишь полночь прозвучит.

Домой пришла к самой вечернѣ.
Князь вышел... Сестры в церковь ждут.
А мать с монахиней в молельнѣ
Пред ликом ароматы жгут.

И дни за днями вдаль уходят.
Ждет Анна милого с тоской,
В софійском храмѣ всѣх обводит
Ее печальный взор, пустой...
Пурпурную подняв завѣсу,
Все ищет в храмѣ средь людей,
Не новгородскаго повѣсу,
Не из Нормандіи гостей,

А лишь того, кто сердцу дорог,
Кому всю душу отдала.
Вновь притаившись между створок,
Глядит с тоскою вниз она...

И как-то раз в одну субботу,
Войдя в Софіи свѣтлый храм,
Молила снять с души заботу;
Вокруг курился фиміам...
И головою вниз поникнув,
Она чуть вскрикнула, узнав
Баяна средь склоненных ликов,
Вновь вниз взглянула задрожав...
— «Да, это он, красив и статен,
Его точеный профиль строг,
Хоть родом он не так и знатен,
Зато отмѣтил его Бог...»

Но вот и кончилась вечерня,
Она вернулась в терем свой,
А с князем там, гдѣ богадѣльня,
Прошел он тихою стопой.
О чем-то говорили оба,
Она смотрѣла из окна,
Ужель женой ему до гроба
Не сможет стать теперь она?
Но вѣрит: завтра в час свиданья
В саду, гдѣ лип тѣнистых круг,
Разсѣет он ее страданья,
Ея любовь, опора, друг.

Бесѣда с князем затянулась
Почти до первых пѣтухов...
(Душа бы Анны содрогнулась
От Ярослава строгих слов).

Он говорил, что понимает
Его сердечную печаль,
Что про любовь давно их знает,
И что обоих ему жаль . . .
Но долг пред родиной превыше;
Баян сам должен понимать.
Ему, отцу, не менѣ горше
Свою любимицу отдать
За иностранного владыку,
На трон высокій посадить;
Чрез эту горькую разлуку
Торговлю с Западом открыть . . .
Что просит он его, как сына,
Большую жертву принести,
Что он страданьям их причина,
И прибавлял: «Пойми, прости».
И вышел с головой склоненной,
В груди вздох тяжкий затаив . . .

Баян, как громом пораженный,
Остался, блѣден, молчалив . . .
И долго, долго ночь тянулась.
— «Что-ж это явь иль страшный сон?».
От мук душа в нем содрогнулась
И, задрожав, воскликнул он:
— «Отдать ее, свою святыню,
Свой яркій луч весенних грез,
Свою мечту, свою богиню,
Забыть тѣ клятвы средь берез!».
Она единственная радость
Его сиротских, долгих дней.
В ней жизни свѣт, мечтаній сладость,
Весенній сказ его ночей . . .
Так нѣт-же, за свою святыню
Бороться будет он с судьбой,

Чтоб овладѣть своей богиней
Иль поплатиться головой...

А ночь вокруг молчит и вѣет,
Пред утром свѣжій вѣтерок,
И мѣсяц на небѣ блѣднѣет,
Да розовѣет чуть восток...

И снова день настанет яркій,
В душѣ-ж бездумье, холод, мгла,
Как встрѣтит он ея взор жаркій,
Чѣм оградит ее от зла?

Но вспомнил Ярослав князь, мудрый,
Как сына убѣждал, молил...
И из любви к отчизнѣ чудной
Собой пожертвовать рѣшил...

И к утру тяжким сном забылся,
На руки голову склонив;
Как в дѣтствѣ дѣд ему приснился;
Но был печален, молчалив.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

И час настал... В саду тѣнистом
Он Анну снова повстрѣчал.
Поникнув взором скорбным, чистым,
Он твердым голосом сказал:
— «Разстаться мы должны с тобою,
Прощай на вѣк моя любовь,
Клянусь пред Богом и тобою
Не полюблю другую вновь!
Лишь ты одна во всей вселенной
Царицей грез моих была,
Мечтой сверкающей, нетлѣнной
Ко мнѣ ты в душу снизошла.

Люблю тебя всей силой мысли,
Люблю тебя я всей душой,
Всѣм пылом жаркой юной страсти,
Душой и тѣлом только твой.
Ты сказка звѣздно-голубая,
Царица ты полночных грез,
Страница ты любви святая,
Мой рай, голгофа моих слез!..

Но знаешь ты, что для отчизны
Разстаться ты со мной должна,
Что о любви мнѣ справить тризну
Любовь к отчизнѣ помогла.
Вѣдь я не княжеского рода,
(за что, как сына, князь любил?).
Что прадѣд мой был воевода,
Не раз о том мнѣ дѣд твердил.
Но я учился в Византіи,
Стрибог мнѣ мысли окрылил,
Во мнѣ размах и мощь стихіи,
Весь мір я пѣсней удивил!..
Лишь ты одна моя святыня,
Я раб, я червь перед тобой.
Но знаю я, что ты рабыня,
Как я отчизны дорогой;
Как я, готова для отчизны
Любовь ты в жертву принести,
В противном — сердца укоризны
Не сможешь ты потом снести...»

Как снѣг бѣла, она глядѣла
В его горящіе глаза.
И словно вмиг, душой прозрѣла
Свой жизни путь... и вот слеза
С ея рѣсниц скатилась искрой,
И, вздох глубокій затая,

Смахнув слезу рукою быстрой,
Сказала твердо, вся горя:
— «Так знай, Баян!
Люблю тебя любовью вѣчной
И по тебѣ в тоскѣ сердечной
Весь вѣк свой буду изнывать,
Свиданья час напрасно ждать . . .
Какими яркими мечтами,
Лазурно-дѣвичьими снами
Была полна душа моя,
На вѣк ты мой и я твоя!
Но рок нас властною рукою
К разлукѣ горестной ведет.
Повѣрь, — что спаяно судьбою
Ни смерть, ни меч не разсѣчет! . .
Я вдаль уйду с мечтой разбитой,
Любовь я в жертву принесу
На благо родины: но скрытой
Мою святыню унесу.
Моя-ж святыня — образ дивный
Твоей утонченной души,
Ея стоцвѣтный луч призывный —
То свѣточ мой в ночной тиши . . . »
В нѣмой тоскѣ, в безмѣрном горѣ
Баян склонился перед ней . . .
Скрыв скорбь, страдание во взорѣ,
Не подняла она очей,
А только трепетной рукою
Его крестом благословив,
Склонившись, быстрою стопою
Ушла, боль в сердцѣ затаив . . .
И долго в синевѣ горѣли,
Сіяли скорбью очи звѣзд.
Часы, минуты вдаль летѣли
Под вздохи, зовы, горечь слез . . .

Так ночь прошла... А в час разлуки
Шумѣла вьюга за окном...
На миг свились в прощаньи руки,
Да взор блеснул тоски огнём.

Она ушла... Погасло солнце,
Померк и зорь румяных свѣт...
Он вдаль глядит через оконце,
Но пред глазами ширь, да снѣг...
Долины ровныя безмолвны,
Слѣпят холодной бѣлизной;
Тоски, печали ночи полны,
Бушуют вьюги за стѣной.
И ночь за ночью вдаль уходят,
Сон не смыкает его глаз,
Видѣнья прошлого проходят,
Как лучезарно-вешній сказ...
Лишь в снах тревожных цѣловал он,
Ея любимые уста,
Но рок суровый оборвал сон,
И в сердцѣ въѣлась пустота...

Рѣшил в поход уйти с дружиной,
Чтоб в схватке страшной и лихой,
На миг разстаться с злой кручиной,
Иль смерть принять и с ней покой...
В степях не долго был с дружиной:
Князь Ярослав их отозвал,
И вот, не справившись с кручиной,
Клобук монашескій пріял...

Раз от святого Ѳеодосья
Узнали — принял он постри́г.
— «Я срѣзал их, как ржи колосья»,
Подумал князь, склонивши лик...

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

А Анна вот почти два года
В далекой Франціи живет,
О нуждах думает народа,
И первенца в волненьи ждет.
И когда Генрих в час полночный
Устав от царственных забот,
С плеч скинет свой халат восточный,
На ложѣ сладким сном заснет,
То Анна, вся отдавшись горю,
Несется к милому в мечтах,
Натосковавшись ночью вволю,
Встает с улыбкой на устах . . .

И дни идут . . . Бѣгут мгновенья —
(французскій двор всегда спѣшит),
То ждет их пир и угощенье,
То на охоту рог трубит . . .
И Анна с Генрихом повсюду
Должна дѣлить досуг и труд.
Бумаг прочесть поможет груду,
Иль сотворить расправу, суд.

Своею нѣжностью, походкой
Она плѣнила пышный двор,
А Генрих звал ее «Находкой»
За умный, дѣльный разговор.
В нее придворные влюблялись
За легкость, нѣжность, красоту,
И даже дамы не шептались,
Почуяв сердца доброту
В ея прямом, открытом взорѣ,
В ея плѣнительных рѣчах,
И словно в сердцѣ скрытом горѣ,
Тоски мерцающей в очах . . .

И Анна затаив на вѣки
Любовь и страсть в душѣ больной
Втираньем освѣжала вѣки,
Ночь проведя в тоскѣ глухой . . .
И вновь в часы холодной ночи,
В часы мерцанія свѣтил,
С тоской смотрѣли в сумрак очи,
Любимый образ звал, манил,
Манил и звал в лѣса родные,
В тѣнистый садик над рѣкой,
Иль слышались слова святые
Любви безмѣрной, молодой . . .
Ждала купцов из Цареграда,
Чтоб вѣсти с родины узнать,
Чтоб послѣ них всѣ муки ада
Ее вновь принялись терзать . . .

И вот однажды ей прислали
С купцами вѣсти и поклон.
Тѣ всё о близких разсказали,
Спросить боялась-же: — «Как он?»
Но вот один купец прибавил:
— «Баян-то постриг, знать, принял,
Мир радости на вѣк оставил,
Ваш двор на келью промѣнял . . .»
Когда цвѣли у ржи колосья,
Во дни цвѣтенья пышных лип,
Чин от святого Ѳеодосья
Он принял с именем — «Филипп . . .»

Как гром средь неба голубого,
Была для Анны эта вѣсть:
Потерю друга дорогого
Ей трудно было перенесть . . .
Как саван, Анна поблѣднела,
Но вмиг, собрав остаток сил,

Благодарить послов велѣла,
Взор ясных глаз в тоскѣ застыл . . .
И потянулись дни за днями
Пустой, холодной чередой;
Пиры-ж смѣнялися пирами,
Но скучны были ей одной . . .
Так время шло . . . Вот сын родился;
Его Филиппом назвала.
Попрежнему ей милый снился;
Его с тоской во тьмѣ звала . . .

В час сладких снов, в часы сіянья
Луны, красавицы небес,
Когда звѣзд нѣжное мерцанье
Ласкает даль и спящій лѣс,
Ей снился Вышгород далекій,
Обрыв над сонною рѣкой,
Да инок статный, синеокій,
Казалось, звал в тоскѣ нѣмой . . .

Чтоб отдохнуть от дум, заботы,
Любила Анна проводить
Дни близ Санлиса; всѣ субботы
В его дубравах побродить . . .

В них был такой-же дух медвянный,
Как в рощѣ дома за рѣкой,
Такой-же нѣжный, жаркій, пряный,
Что так пьянил ее весной . . .
И бѣлых ландышей головки
Кивали, как в родном лѣсу,
И мирно божіи коровки
Роняли с листиков росу . . .

Рауля замок там был мрачный,
Высокій, темный как скала,
В лѣсу владѣльца в час удачный
Летала быстрая стрѣла . . .

Граф был жесток, суров и грозен,
Не подчинялся королю,
Любил повсюду сѣять рознь;
Тѣм тѣшил удаль он свою.
Его свирѣпые набѣги
Пугали мирных поселян,
И снѣдью полныя телѣги,
Как дань взимал с своих крестьян...

Настало время смут тревожных,
Походов, битв и грабежей,
Насилья рыцарей безбожных
Под звон и лязг стальных мечей.
Норманы Францію тѣснили,
С трудом их Генрих усмирил.
Крестьян тѣ войны раззорили:
О помощи народ просил.
И Анна всѣ свои богатства,
Что Ярослав с собою дал,
Дарила для церквей убранства,
Дѣлила тем, кто голодал...
Ее крестьяне полюбили
За ласку, помощь и добро;
О ней в народе говорили,
Что перед ней безсильно зло...
И даже Папа раз из Рима
За благочестіе хвалил,
Что церковью святою чтима,
Не раз писал и говорил...

Однажды находясь в Санлисѣ
(в походѣ Генрих был тогда)
До Анны слухи донеслися,
Что надвигается бѣда.
Свирѣпый граф, Рауль могучій,
К вратам Санлиса в час ночной

Войска надвинул темной тучей,
Готовясь к схваткѣ боевой,

И видит Анна, без забрала,
Высокій, статный, боевой,
Рауль, поднявшись на верх ва́ла,
Им крикнул с поднятой главой:
— «Я крови проливать не буду,
Как рыцарь в монастырь войду,
Ночь до утра я здѣсь пробуду
И на зарѣ в поход уйду . . .»

Когда-ж Рауль со всей оравой
В ворота мрачныя вошел,
Хотел начать он пир кровавый,
Но гнѣвом Анны был сражен.
— «Как смѣл ты рыцарством хвалиться!
Гдѣ честь, где храбрость, мощь твоя?
Иль слава с женщинами биться
Пред входом в храм монастыря?
И время нам идти к вечернѣ,
Велю звонить в колокола,

А вам-же мѣсто всѣм в тавернѣ
Гдѣ чарок звон, разгул и мгла . . .»

Рауль ни слова не ответил,
Стоял с поникшей головой,
Потом коня схватив, как вѣтер,
Умчался тучей грозовой . . .

Всю ночь Рауль, граф Крэпи властный,
Гонял усталого коня,
И взор его горячій, страстный
Был полон гнѣва и огня . . .
Вернулся в замок на разсвѣтѣ,
Велѣл монаху прочитать
Над ним молитвы, ставить свѣчи,

Чтоб чары бѣсов отогнать.
Но сон, покой не возвращались:
Все слышал звук ея рѣчей,
И ночи в пытку превращались,
Не веселил и звон мечей . . .
Ругал себя, что меч не поднял
За рѣчи смѣлыя ея,
И все-ж не мог прожить и полдня,
Не съѣздив в замок короля.
Чтоб там увидѣть образ нѣжный,
Прекрасных глаз глубокій взор,
Чтоб дикій нрав его, мятежный
Смирился, встрѣтив в нем укор.
И шли так дни, текли за днями.
Рауль боролся, изнывал . . .
Смѣнял он буйства вновь пирами,
Иль милость Бога призывал . . .

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

И годы шли . . . рождались дѣти,
Филипп почти подростком стал,
Болящій Генрих на разсвѣтѣ
Приказ послѣдній подписал . . .
Тяжелое настало время,
Скончался царственный супруг . . .
И королевством править бремя
На Анну пало, да на слуг
Достойных, нужных королевству.
«Совет» их Аннѣ помогал
Дѣлами править по наслѣдству,
Пока Филипп ещё был мал.
Монастырей уединенье

Ее влекло, в часы тревог
Стихало там души волненье,
Там рану сердца видѣл Бог . . .
Знал глубину ея печали,
Весь жар бушующих страстей,
Тоску и скорбь по синей дали,
По вѣтру вольному полей . . .

Мечтала в бор пойти сосновый,
Смолы почуять аромат,
Услышать шум вѣтвей еловых,
Увидѣть золотой закат,
Хотя-б на миг к березкѣ нѣжной
Прильнуть склоненной головой,
Иль в сини тихой, безмятежной
Увидеть мѣсяц золотой . . .
Соловушки-б услышать пѣнье
В кустах сирени за рѣкой,
Иль яблонь буйное цвѣтенье
Вновь пережить, как той весной . . .

Даря угодья храмам свѣтлым
Она мечтой неслась к тому,
Кто иноком стал незамѣтным,
Кто промѣнял на кельи тьму
Сіянье славы, сладость счастья,
Любви безкрайней, молодой,
Кто был лишен любви причастья,
Кто мір покинул суетной . . .

Ей слезы очи застилали.
Как жемчуг рос в тиши ночной,
И буквы русскія сіяли
На подписи ея рукой . . .

Чтоб отдохнуть от дум, сомнѣний,
В Санлис вновь Анна удалялась

И там, средь тихих пѣснопѣній,
Покоем храма наслаждалась . . .
И вот однажды в час закатный
Сидѣла Анна пред окном.
Был нѣжен вечер ароматный,
Цвѣты пьянили перед сном . . .

К ней в комнату стопою твердой
Вошел Рауль в вечерній час,
Надменной рѣчью, рѣчью гордой
Не смог он скрыть печали глаз . . .
— «Кто ты? Колдунья иль святая?
Зачѣм взяла души покой?
С тѣх пор ни чаша круговая,
Не веселят, ни смертный бой! . .
С тех пор, как ты меня учила
Врагам прощать, творить добро,
Не знаю я, какая сила
Меня влечет к тебѣ давно . . .

Тогда из Са́нлиса безумным
Я на конѣ умчался в ночь . . .
Иль стал теперь я полоумным,
Что не могу отбросить прочь
Всѣх чар твоих, очарованья
Прекрасных глаз, твоих рѣчей,
Все дни и ночи жду свиданья.
Верни покой мнѣ! . . Иль убей.
Я вижу Вы уйти хотите.
Но нѣт! . . Вы взяли душу, кровь.
Я гибну! . . Чары отвратите! . .
Иль нападу на Санлис вновь! . .
Все раззорю, сожгу, разрушу,
Потоком крови край залью! . .
Обѣты, клятвы, все нарушу,
Весь мир сожгу, иль сам сгорю! . .

Тогда насильно в замок мрачный
Умчу тебя, моя любовь! . .
Что-ж выбирай, союз-ли брачный,
Души-ль погибель, слезы, кровь? . .»

«О, Господи! . .», взмолилась Анна:
«Гдѣ сердце, жалость у тебя?
Не чтишь, ни святости, ни сана.
Умолкни! . . Мать я короля! . .

Страна в опасности, враг близко , . .
А ты, потомок королей,
Ты, сильный, мог упасть так низко,
Что честь забыл . . . Завѣт церквей . . .

Король подросток, я безсильна,
Нигдѣ опоры нѣт, друзей;
Ты-ж рыцарь грозный, рыцарь сильный
Желаешь зла странѣ своей! . .»

— «О, нѣт! . . Клянусь тебѣ спасеньем,
Иль вѣчной гибелью моей!
Пред сыном Анны со смиреньем
Склонюсь с дружиною своей!».

И на колѣни встав пред нею,
Молил супругой стать его,
Дѣлить труды поклялся с нею
На пользу края своего.

—«Да, не по силам мнѣ . . . заботам
Конца не видно, знаешь сам.
Согласна, чтоб помочь сироткам,
Таков отвѣт пред Богом дам».

* * *

И Анна в замкѣ поселилась
Средь мрачных стѣн его сырых.

И легкой тѣнью проносилась
Она средь зал его пустых...
Забыл охоту граф, набѣги,
Как звѣрь в тенёта сам попал,
Во власти страсти жаркой, нѣги,
Ея рабом на вѣки стал...
Любил слѣдить за гибким станом,
За ломкой линіей бровей,
За словно огненным туманом
Ея мерцающих очей...
А косы русо-золотыя
Казались солнечным лучем,
И руки нѣжно-восковыя,
Любовь и страсть будили в нем...
И часто думал: — люди правы,
Что равной нет ея красѣ,
Она, как вешній сон дубравы,
Как лунный отблеск на росѣ...
Ее-ж не радовали ласки,
Безумный бред его рѣчей;
Скрывала скорбь под сѣнью маски,
Как будто радостных очей...
Со скрытой ревностью во взорѣ
Слѣдил за Анной граф порой;
Она в тоскѣ, глубоком горѣ,
Взор потупляла грустный свой...
В молельню легкою стопою
Скользила Анна по утрам,
И там, поникнув головою,
Молилась, пав к Его стопам...
Ночами долго до разсвѣта
Ей снился Вышгород родной,
А в небѣ искрилась комета,
(В тот год зажглася над землей).

О разном люди говорили,
Что черт бесѣдует с людьми,
И страшный час все сторожили,
Когда огонь придет из тьмы.
Все чаще Анна помышляла
Вернуться к близким в край родной;
Но смерть родных давно отняла,
И Кіев стал пустой, чужой . . .
Пал Изяслав давно в походѣ,
Сраженный вражеской рукой,
Но память не умрет в народѣ
За то, что смѣлым был душой . . .
А сестры замужем далеко,
Как листья в бурю разнеслись . . .
На сердцѣ пусто, одиноко,
Все струны счастья порвались . . .

В монастырѣ Санлиса строгом
Рѣшила вѣк свой доживать,
И там в молитвах перед Богом
Души страданья забывать . . .

Однажды с графом говорила,
Чтоб дал свободу ей, покой,
В жестоком сердцѣ пробудила
Добра луч, искры в нем святой . . .

— «Рауль!, подумай! . . Отлучен ты
От церкви Папой за наш брак;
Что при живой женѣ посмѣл ты
Забыть пред Богом долг и страх! . .
Взгляни на меч свой! — Знак распятья
На нем, что сердцу говорит?
Его-ж ты поднял, как проклятье!
Подумай, Бог-ли то простит? . .
Как рыцарь клялся ты быть честным,
А кровь невинных проливал! . .

Отвѣтишь пред Отцом небесным
За то, что сирых обижал! . .
Любовь ко мнѣ — твое спасенье.
Набѣги кровь не веселят . . .
Души твоей в ней пробужденье,
Ты весь раскаяньем объят! . .

Молю, иди на подвиг честный,
К добру путь пред тобой открыт!
Путь искупленья, тяжкій, крестный,
Сам видишь, пред тобой лежит» . . .
Встав пред Распятьем на колѣни,
Рукой меч рыцарскій свой сжав,
С лицом склонненым в полу-тѣни,
Загладить зло дал клятву граф . . .

И с губ сомкнутых складкой твердой
Отвѣт желанный прозвучал:
—«Иди!» . . . Сказал граф . . . И нетвердой
Стопой ушел он в темный зал . . .

Ушел в поход . . . Куда? . . Бог знает! . .
Свободна Анна . . . Путь открыт.
Храм монастырскій призывает
Ее тоску свою излить . . .

И там пред ликами святыми,
Повѣдав скорбь души больной,
Простясь с мечтами молодыми,
Смирилась Анна пред судьбой . . .

И на прощанье подарила
Аббатству яхонт в Сан-Дени;
Монахов искренно просила,
Чтоб помолилися они

За тѣх, кто жертвенно пылая
Любовью к Родинѣ святой,

Принес ей в дар весь отсвѣт рая
Любви безкрайней молодой...

Монахи в память королевы
Воздвигли статую ее,
Чтоб тот, кто в горѣ или гнѣвѣ,
Смирял-бы сердце здѣсь свое...

И пред свѣчей неугасимой
Вѣка проходят чередой...

Здѣсь зов любви неутолимой
Влечет нас к звѣздам за собой...

Храм построенный королевой Анной

в 1069 г.